

Сергей ЗЕЛЬДИН

Сергей Зельдин родился в 1962 году в станице Ярославская Краснодарского края. Жил в г. Волжском, с 1974 года в Житомире. В «Волге» печатались рассказы (2017 – 2021), также публиковался в журналах «Крещатик», «Новый берег», «Дружба народов», «Зеркало» и др.

РАССКАЗЫ

Конец кино

Наконец час эм, или, другими словами, час икс, о котором так долго говорили ютубовцы, настал.

В одно прекрасное утро Сергей Леонидович, выйдя из подъезда, чтобы сходить в «Железнодорожник» за плавлеными сырками, увидел высоко в небе густо и дымно прочерченные траектории летящих ракет.

Судя по направлению, ракеты летели с северо-востока куда-то на вост-зюйд-вест.

«Не может быть!» – подумал Сергей Леонидович, опускаясь на скамейку, так как ноги отказались его держать. Вспомнилось глупое детское: «П... подкрался незаметно, хоть виден был издалека».

В окнах кухонь забелели ошарашенные лица соседей, с треском распаивались заклеенные рамы, слышался тихий ропот. Дети, совершенно очарованные полосатым небом, стояли, задрав головенки.

Вся жизнь пронеслась перед внутренним взором Сергея Леонидовича. Но сначала он, по вполне понятным причинам, подумал о сыне Володьке, невестке Вере и внучонке Кристиане в Дании. Затем подумал о жене Галине, пошедшей на маникюр, о теще в Коростышеве, о двоюродной сестре в Краснодарском крае, о дяде Саше и тете Рае в Ленинграде, то есть в Петербурге, а уже потом перед его внутренним взором замелькала его жизнь в виде обрывочных воспоминаний и туманных картин.

Странно, что жизнь проносилась перед Сергеем Леонидовичем не в хронологическом порядке: детство – отрочество – старость и так далее, а вразнобой, рассыпью.

Так, сначала ему вспомнилось, как в учебке он прокалывал иголкой дни в календарике, дожидаясь такого недостижимого «микродембеля», и какая тоска брала его, когда он видел, что до весны по-прежнему далеко. Самые употребимые слова в химвате были: «тоска», «вешайся» и «все в соплях», почему-то через букву «н» – «в сопнях».

Сразу вслед за этим привиделось Сергею Леонидовичу, что он живет в станице с дедушкой и бабушкой. Он смотрит в окно, а за окном метет снег. В сенях жалобно, по-бабьи вскрикивает дверь, и в горницу входят огромные люди в кожных и папах, а потом долго играют с дедушкой в дурня, а на столе лежит гора семечек, и все, не отрываясь от карт, их лузгают, а потом, наигравшись, выпивают самогонки под моченый арбуз, а арбуз из бочки, а бочка в кладовой... На чердаке банный дух от пучков зверобоя... Курица бежит с отрубленной головой... Майкоп, Армавир... «Ты мой миткалевый!» – говорит бабушка...

Вслед за этим вспомнилось Сергею Леонидовичу, как однажды на зимних каникулах в пятом классе, когда они жили уже на Украине, он поехал на турпоезде по маршруту: «Киев – Чернигов – Брянск – Москва – Житомир», и как он потерял этот турпоезд в Киеве, и вернувшись с Крещатика, бегал по перронам, и какое отчаяние его охватывало, а ранние сумерки все сгущались, и поезда все уходили, пока, плача, он не

подбежал к милиционеру и он не отвел его на запасный путь, куда переставили турпоезд, и он тут же тронулся.

Потом, непонятно почему, память Сергея Леонидовича переключилась на последние события его жизни, как он недавно хоронил друга детства, умершего от ковида, и как он не испытывал особой скорби, и много и с аппетитом ел на поминках, понятно, что от нервов, но все же это было скотством. А раньше он тяжело переносил похороны, и даже пил таблетки от сердца. Вспомнил, как кто-то сказал на перекуре: «По крайней мере, у Витька есть могила», – как будто предчувствуя сегодняшнее. Но, вообще-то, эта фраза давно уже стала популярной и часто произносилась на похоронах, как когда-то: «Бог дал – Бог взял» или «Земля ему пухом». Затем...

Впрочем, сколько бы ни перечислять всех воспоминаний Сергея Леонидовича, все равно это заняло совсем немного времени, пусть не секунду, как когда летишь с балкона или тонешь на зимней рыбалке, но тоже быстро.

Да и ничего тут оригинального или своеобразного не было, и наверное со многими в эти минуты происходило то же самое, и вообще во многих книгах мировой литературы с героями это часто случается, например, в «Снегах Килиманджаро».

Сергей Леонидович, забыв о плавленых сырках, вернулся домой и набрал жену.

Телефон не работал.

– Все, – сказал Сергей Леонидович, – кина больше не будет.

Мои первые книги

Мои самые первые книги, вернее, первые, которые я прочитал сам пятьдесят три или пятьдесят четыре года назад, на туманной заре своей сознательной жизни, были толстая оранжевая книга казахских народных сказок «Похождения Алдара Косе» и тонкая, в картонной обложке, «Приключения индюшонка Чок-Прим», про молдавского мальчика, когда он был еще бессарабским.

Собственно, «помню свои первые книги» это громко сказано, ведь я уже тысячу раз убеждался, какие фокусы выкидывает наша память. Но мне кажется, что ничего раньше этих «Похождений» и «Приключений» я не читал, а до них просто разглядывал картинки.

Так, я помню одну необычайно печальную книгу о какой-то девочке типа Мальвины, жившей в темном лесу в чем-то вроде заколдованного замка или запущенного особняка.

Не то чтобы она пугала трехлетнего ребенка до слез, но помню, что каждый раз, разглядывая в ней картинки, я погружался в меланхолическое и даже пришибленное состояние.

Я тогда жил в кубанской станице с дедушкой, бабушкой и тремя тетками-школьницами, а папа заканчивал харьковский политех, а мама, дочь дедушки и бабушки, жила с ним в съемном углу и работала на заводе в Харькове лаборанткой.

А я, пока суть да дело, жил у бабушки Кати и дедушки Васи в станице Ярославской Майкопского района, не понимая еще, что это лучшие годы моей жизни, закончившиеся летом 1966 года.

Папа с мамой приезжали на папиных каникулах зимой из Харькова на Новый год и привозили всем подарки, но главное, конечно, мне, своему сыну Сереже.

Так, в разные годы они привезли мне: надувного космонавта, пупочка которого, через которую его надували, восхитительно вязала язык тальком; космический же комбинезончик, сейчас называемый «дутым»; кубики из цельного дерева с картинками, которые нужно было еще сложить; толстую коробку зефира в шоколаде и – книжки-раскладки и простые книжки.

И вот одна из этих книжек мне и запомнилась своими необыкновенными, погружавшими меня в задумчивость и грусть картинками с зачарованной девочкой, жившей не то в обветшалом тереме, не то в руинах дворца.

Но книжки с картинками я не считаю, так как они были еще до начала моей умственной жизни, начавшейся после того как папа, применив все свои способности педагога и дрессировщика, выучил меня чтению.

Конечно, память шутит с нами свои вечные шутки, тем более в таком возрасте как у меня. Скорее всего, я читал что-нибудь еще и до «Алдара Косе» и «Индюшонка Чок-Прима», потому что эти две я взял уже в библиотеке, куда пришел сам в шесть лет, когда мы с папой и мамой служили на китайской границе в Казахстане, но я не помню. В библиотеке меня подвергли экзамену на разумение грамоты, потому что по мне этого было не сказать, и выдали для начала том казахских народных сказок о чабане Алдаре Косе, аналоге бухарского Ходжи Насреддина.

А потом и о приключениях индюшонка Чок-Прим из маленькой бессарабской деревушки.

Хозяину Чок-Прима, мальчику, имя которого я, к сожалению, не могу вспомнить, трудно и голодно жилось батраком в Бессарабии под гнетом румынских бояр. Но как только Красная Армия освободила всех от этого гнета, все сразу наладилось и началась очень хорошая жизнь.

Мне кажется, я довольно точно передаю содержание и основную идею книги, но совершенно не могу сказать, причем здесь был индюшонок с экзотической кличкой, именем которого и была названа книжка.

Об Алдаре же Косе я только помню, что он постоянно высмеивал и водил за нос глупых и жадных баев, и в хорошие дни кушал «куырдак» – видимо, какое-то национальное казахское мясное блюдо вроде нашего люля-кебаб.

Да, мне кажется, что все так и было в моих самых первых, еще детских, книгах.

Но если кто-то скажет, что это все сомнительная чушь, то пусть сам попытается вспомнить свои первые книги, хотя бы и с одними картинками, и попробует описать их, тогда сам увидит.

Хотя, может быть, это я торможу, а все всё помнят, я не знаю.

День рождения

Девятого апреля Сергей Палыч проснулся в пять пятьдесят пять.

Как всегда, в первые мгновения он подумал, что пора собираться на работу. Но сразу вспомнил, что на работу только послезавтра.

Сергей Палыч работал сутки через трое. Трех выходных было много, и уже через два дня его тянуло назад к книгам, пешим прогулкам по лону природы, к самосозерцанию – он работал сторожем.

Сергей Палыч лежал, слушал, как через приоткрытую форточку в комнату заползают осторожные звуки, глядел, как светлеет штора.

Штора была оригинальной расцветки и напоминала Сергею Палычу желтоватый белок огромного глаза в лопнувших кровеносных сосудах.

Сергей Палыч, стараясь не скрипеть, сходил в туалет, потом вернулся, включил планшет и стал смотреть «Козла отпущения» с Бастером Китом.

Бастера Китона, звезду немого кино, он открыл для себя недавно. Этот хрупкий молодой человек с каменным, ничего не выражающим лицом, буквально магнетизировал Сергея Палыча. Чудовищные трюки Короля Падений целый день стояли перед его глазами и снились по ночам

Отдаленное, весьма смазанное представление о номерах Бастера Китона дает Джеки Чан в своих лучших фильмах. Но и Джеки далеко до Бастера. А ведь Китон снимался сто лет назад, в двадцатых годах прошлого века!

Особенно нравилось Сергею Палычу что Бастер Китон забыт. Это в его глазах было лишним свидетельством его гениальности.

Чарли же Чаплина он ставил гораздо ниже, примерно как Раймонда Паулса по сравнению с Моцартом.

Посмотрев «Козла отпущения», «Ученика мясника» и «Брак назло», Сергей Палыч увидел, что пора курить.

Он выкуривал по три сигареты в день. Первую он любил выкурить на маленьком базарчике возле дома, попивая «американо» и наблюдая базарные сценки.

Сейчас базарчик был закрыт на карантин, и Сергею Палычу приходилось курить возле гастронома «Железнодорожник», купив кофе в кондитерском отделе, сдвигая и натягивая маску между затяжками и с отвращением глядя на свои руки в резиновых, кондомного цвета, перчатках.

Откровенно говоря, Сергею Палычу не стоило делать ни того, ни другого – ни курить, ни пить кофе. Здоровье у него было поганое, сердце подвержено порокам – то аритмии, когда пульс, слабый и неровный, взлетал до ста тридцати, и Сергей Палыч, красный как помидор, лежал пластом, то – брадикардии, когда пульс наоборот опускался ниже сорока, и у Сергея Палыча путалось в голове и стыли пальцы на ногах.

Медицина же давно отступила перед его недугами и сдалась. По крайней мере, в последний раз весельчак кардиолог в поликлинике сказал ему:

– Полноте, дусенька, с вашей аритмией жить и жить! Только не надо думать о плохом и хоронить себя заранее! Держать хвост пистолетом! Позовите там следующего!...

Поэтому, полагая, что двум смертям не бывать, тем более что все мы ходим под Богом, Сергей Палыч покуривал и иногда пил кофе. Ему даже казалось, что от этого его аритмии и брадикардии делается легче.

Сергей Палыч кряхтя обувался в прихожей, когда из своей двери выглянула тетя и тихонько сказала:

– С днем рождения, Сергуня, племянник дорогой!

Взгляд у нее был как у затравленной газели:

– Извини, что я опять без подарка! Вот получу антикризисные!..

Тетка получала пенсии тысячу восемьсот гривен, что в переводе на доллары означало шестьдесят. Поэтому ей все время хотелось быть щедрой и расточительной.

– Не балуйте, Нина Васильевна! – сказал Сергей Палыч. – Какие подарки на позициях!

Этим он хотел сказать, что когда Григорий Мелехов, потрепанный красными, приехал в станицу на побывку, то на бабские приставания с подарками так и ответил, хмурясь как туча: «Какие на позициях подарки?»

Сергей Палыч был любящим племянником и частенько баловал тетку халвой и сосисками «Нежные», до которых она была большая охотница.

Он сходил покурить и купить хлеба.

Дома его встретила проснувшаяся жена Зинаида и сказала:

– А ныл, что не доживешь! Дожил как миленький! Ну, долгих тебе лет! – и подарила крем после бритья.

Зинаида с Нового года сидела без работы, а когда нашлось место, началась пандемия, и она опять сидела дома, потихоньку начиная звереть.

– Садимся в час, – сказала Зинаида.

У Эдика, мужа Зинаидиной младшей сестры Танюхи, накануне умерла мать, и Зинаида собиралась поехать на Крошню, часок-другой посидеть у гроба. Она только

сомневалась, что ее пустят в троллейбус без пропуска. Но хотела попробовать, а то она уже целый месяц не видела живых людей. Поэтому Зинаида и сказала: «Садимся в час».

Тетка налепила пельмешек, поллитра «Немирова с перцем» была куплена и только дожидалась торжественного банкета, посвященного пятидесятидевятилетию виновника торжества.

Тут на Зинаидин телефон хлынули поздравления от друзей. У Сергея Палыча телефон был хороший, но кнопочный, а у жены шестой айфон, потому-то поздравления и шли не на тот телефон, а на этот.

Первый друг, Козлов, прислал стихи:

Прекрасный мужчина, отец, семьянин –
Об этом все знают, такой ты один.
Завистники пусть отдыхают в сторонке,
Давай в именины откроем бочонки!

Козлов любил поэзию, хотя и служил юристом в «Житомирсвете». Сергей же Палыч стихов не любил и не понимал, вслед за Львом Толстым считая поэзию аферой и бумагомаранием.

Но это было поздравление от друга, и это было очень приятно.

Потом пришло поздравление от второго друга, Ляха. Он прислал красочную заставку с горящим камином, а перед камином стоит столик с толстой пачкой баксов по сто долларов, пузатая бутылка коньяка, видимо, очень дорогого, и коробка сигар, наверное, гаван.

Сергей Палыч весело сказал жене, что доллары и коньяк это не по его части, но что сигарку он выкурит с удовольствием.

Зинаида сказала колкость насчет умения зарабатывать баксы, Сергей Палыч ответил матерной резкостью и, слово за слово, началась распря. Тетка прижухла в своей комнате.

Чтобы не портить себе праздничное настроение, Сергей Палыч обулся, надел маску и пошел развлекаться.

Улицы были чисты и пусты. Изредка навстречу спешили одинокие прохожие в голубых аптечных масках. «Пацаки! Всем надеть намордники и радоваться!» – с грустной иронией пробормотал Сергей Палыч. Коронавирус захлестнул мир, и теперь казалось, что всю жизнь были карантин и самоизоляция, не хватало кислорода в больницах, не работали магазины. Закрывание же парикмахерских привело к тому, что волосы у Сергея Палыча отросли настолько, что он стал похож на нигилиста.

По пути Сергей Палыч набрал Ляха, который тоже изнывал дома с женой, тихой, забитой им в психологическом плане женщиной. Они договорились встретиться у входа на бывшую «Выставку достижений сельского хозяйства СССР», которую в далеком тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году открывал лично дорогой Никита Сергеевич. Теперь весь район назывался Выставкой, а от самой выставки осталась лишь триумфальная арка, увитая гипсовыми снопами и овощами.

Друзья сели на скамейку, сдвинули маски и, зорко поглядывая, нет ли мусоров, закурили. Опасения эти не были напрасными, уже был не один случай, когда за маски штрафовали на семнадцать тысяч. Для Сергея Палыча, получавшего три пятьсот, это бы стало катастрофой «Титаника».

Два друга покурили и, поговорив какое-то время о днях рождения и о старости вообще, перешли к другим темам.

– Знаешь, Вадимыч, – сказал Сергей Палыч, – я открыл для себя старую звезду немого кино Бастера Китона! Я бы хотел, чтобы ты тоже посмотрел и сказал свое мнение. Я думаю, ты чокнешься!

– Мне больше делать нехрен, как смотреть твое глухонемое кино! – ответил Лях, бывший и вообще-то грубоватым, а сегодня почему-то особенно не в духе. – Ты слышал, что учудила твоя любимая Россия?

Лях был стихийным русофобом, а по каким причинам, он бы и сам не смог сказать. Это было тем более странным, что все хохляцкое он ненавидел еще больше. Сергей же Палыч был, возможно, и не русофилом, но, по крайней мере, считал, что война Украины с Россией это ужасная ошибка, и тому, кто это устроил, нужно вырвать яйца с мясом.

На этой почве у них с Ляхом возникали споры, доходившие до криков, визгов и посыланий, напоминая споры между почвенниками и англоманами в девятнадцатом веке.

Но тут вдаль показался патруль, и друзья натянули маски по самые брови, надели резиновые перчатки и стали постепенно остывать. А скоро беседа вошла в мирное русло и зашла о недавних событиях в Вацковском переулке. Там три дня назад похоронили Анатолия Оноприенко, известного в прошлом культуриста Аполлона, который, дожив до шестидесяти лет, вдруг омрачил свой юбилей самоубийством.

Теперь два друга спорили, каким именно способом Аполлон это совершил, не замечая, что это, в сущности, детали, а главное, что не стало человека, тихого и невредного.

А вскоре они попрощались и пошли по домам, потому что было уже полпервого, и Сергей Палыч не хотел опаздывать на пельмени. Как гласит народная мудрость: «В большой семье свои нюансы».

Пельмени теткин удались, и они кушали их с маслом и с уксусом, наливая рюмочки и произнося тосты. Зинаида, выпив, смягчилась. Тетка сидела на краешке стула и деликатно жевала беззубым ртом.

Вечером Сергей Палыч лежал у себя и смотрел все подряд: «Козел отпущения», «Невезение», «Пугало», «Копы», «Паровоз Генерал», «Навигатор» и ужасную «Лодку».

Потом ему взгрустнулось. Он думал о Бастере, как он не смог приноровиться к эре звукового кино, как разорился, как стал пить запоем и курить по три пачки, как состарился и умер от рака легких в 67-м, когда ему было семьдесят, а Сергею Палычу было пять.

Он чувствовал себя совсем несчастным, когда позвонили дети из Финляндии. Сын сказал: «Ну, старый симулянт, тебя и ломом не добьешь! Расти большой и толстый!»; невестка улыбнулась и сделала ручкой, а внучка представила дедушкин портрет – классическую сахарную голову с ниточками по бокам, и рассказала стишок на финском языке. Сергей Палыч вслушивался в загадочный внучкин лепет и умилялся. Вообще он считал, что Луиза, эта маленькая пятилетняя девочка, должна прожить прекрасную, счастливую, редкостную жизнь и стать если не президентом Европейского Союза, то хотя бы финской писательницей вроде Астрид Лидгрэн, объездить весь мир, долго жить на Барбадосе и получить Нобелевскую премию два раза подряд. Иначе объяснить, зачем появились на свет и жили свои жизни они с Зинаидой, было просто невозможно.

Зинаида же в троллейбус не попала, у гроба не посидела и была вне себя от злости, так как купила восемь гвоздик, пять из которых стояли теперь в вазе, а три в банке на кухне.

Когда Сергей Палыч заснул, то ему приснилось, что он внутри какого-то фильма с Бастером Киттоном и его все время возят в инвалидной коляске на высоких тонких колесах.

Депер

Когда Геннадия Руслановича друзья спросили:

– Ты куда пропал, Гендос?

Он ответил:

– Блин, пацаны, такой депер был, что не передать! – и махнул полтишок.

«Депером» на их жаргоне была депрессия.

У всех в наше время бывают депрессии, если он только не слабоумный.

Хотя в наше время и слабоумным не сладко, с тех пор как позакрывали дурдома, и они, вместо того чтобы принять таблеточку клозапина в комплексе с укольчиком рисперидона и забыться в грезах, бегают по улицам и цепляются, чтобы все говорили по-украински.

Так что депер случается со всеми, и потому особенно приятно, что именно в этот раз он был не у вас, а у товарища.

У Геннадия Руслановича депер в этот раз был ни большой, ни маленький, а такой, средний. По крайней мере, ему не представлялось с мазохической ясностью, что он режет себе вену на руке, да не поперек, как это делают симулянты, а как положено, вдоль. Также он не смаковал последние секунды после самоповешения и не фантазировал на тему похорон, которые в наш коронавирусный век напоминают похороны Стендаля. За гробом классика шли трое: Тургенев, Мериме и неизвестный. Но все равно Геннадий Русланович мрачно пролежал на диване все выходные, отвернувшись к спинке и то и дело куря на кухне, хотя уже почти собрался бросить.

Растрawляя душу воспоминаниями, он бормотал про себя: «Е..на доля!» – чувствуя, как подергиваются глаза слезами, а в груди болит, как в юности от растоптанной любви.

Он перебирал всю свою жизнь и не находил ни одного мгновения, когда бы не напортачил или не был мудаком.

«Я был, – думал Геннадий Русланович, – плохим сыном, б...м мужем, сволочным отцом и опять херовым сыном для старой мамки! Зачем, зачем я не ездил на дачу поливать грядки и только обещал постеклить балкон? Моральный уродец! О, Х-хосподи-и!..» – и он крепко сжимал глаза, чтобы не видеть картин, нарисованных ему услужливой памятью, чувствуя, как катится слеза, холодя щеку и моча подушку.

Жена позвала жрать, и Геннадий Русланович сходил на кухню, но жрал без всякого аппетита, без водки, и хмурый, надутый вернулся на диван скорби.

Вспоминалось ему, как не поступил он в политех, чтобы только сделать назло отцу, который вскоре разбился на машине, да так всю жизнь и проходил дураком без высшего образования, хотя самые тупорылые троечники пооканчивали если не политех, то хотя бы военное училище.

Вспоминалось ему также, каким муذилой сержантом он был в армии, нахватавшись в учебке самого плохого, присущего дедовщине.

И как потом, уже после армии, однажды не кинулся в драку, будучи грязно оскорбленным при девушке, заслав получить по рылу.

А также как изменял жене, хорошей, доброй и ни разу не попавшейся на аналогичном.

Как лупил маленького Андрюху. А тот в восьмом классе записался на каратэ, и когда он опять полез по пьяни, встал в какую-то «позу кобры» и заверещал: «Шо хочешь?.. Шо хочешь?..» – и Геннадий Русланович зассал получить по рылу и пошел лег проспаться.

Геннадий Русланович дошел до того, что начал уже цепляться к мелочам, вспоминая, как мычал с остальным стадом: «Ю-щен-ка!.. Ю-щен-ка!.. – участвуя в погублении страны. Как старается теперь говорить в магазине и на почте по-украински, хотя не любит мовы и никогда, кроме как на уроке, на ней не говорил.

Как...

Ну, было еще много разных «как», и Геннадий Русланович все выходные провалялся в депере как выжатый лимон.

Но на третий день за окном выпал блестящий беленький снежок, вышло солнышко, природа стала очень красивой, и Геннадий Русланович, погнав в гастроном за хлебом, с особой лихостью, усмехаясь, сказал жлобихе продавщице:

– Вы бачылы, яка зыма? Казка!

Сидя в маршрутке и едя на работу, он уже совершенно забыл о своем депере и даже не мог представить, что так переживал из-за такой ерунды, как своя жизнь.

Настена

Летний день был в разгаре.

Солнце так яростно посылало на землю свои жаркие лучи, что становилось понятно, отчего в старину его называли Ярилом.

Природа дремала, погрузившись в сонную спячку.

Березы томно пошевеливали листвою. Сосны источали такой аромат, как будто банщик плеснул на раскаленные камни хвойным настоем.

Настя Стечкина, которую подруги называли Настеной, а руководство Пистолетом, не спеша шла по дороге. Неся босоножки в руках, она мягко ступала босыми ногами по глубокой бархатной пыли проселочной дороги.

Настена шла на полустанок, где проходила электричка, шедшая на Москву.

Она со вчерашнего дня гостила у бабушки Элеоноры в деревеньке под названием Партизанская Засека. Бабушка занемогла, и Настена приехала проведать старушку и привезла корзинку круассанов из пекарни «Хруст французской булки», до которых бабуля со времен нелегальной молодости была большая охотница.

Тревога оказалась напрасной, и никакого предынсультного состояния у бабушки Эли не оказалось, а просто она захотела увидеть любимую внучку, с которой ее так много связывало.

Настена сняла с головы красную панамку, подняла лицо к бледному от жары небу и, не в силах сдержаться, счастливо засмеялась:

– Ах, как хорошо живется!

Ее стройная спина взопрела под легким холстинковым сарафаном. Маленький, незаметный со стороны пушок над верхней губкой покрылся бисеринками пота.

Настена вошла под полог леса и напилась из маленького родничка, а когда вышла из-под сени леса на дорогу, отряхивая с холстинкового платища капельки родниковой воды, мимо проезжала машина, вернее, старый и раздолбанный сельский джип.

Трое парней, сидевших в нем в разомлевших позах, окинули девушку враз загоревшимися похотливыми взорами.

У Насти и впрямь было на что посмотреть – стройная, длинноногая, без излишней мускулатуры, с маленькой грудью «как у мальчишки-боксера» – как говаривал Сан Саныч.

– Эй, красотка! – окликнул Настю здоровенный бугай, сидевший на переднем месте. – Залазь, прокатаем!

– По очереди! – загоготали двое его дружков, тоже наглые и циничные.

Вместо ответа Настюха лишь улыбнулась, погрозила деревенским Казановам пальчиком и покачала головкой в своей красной панамке.

Меньше всего ей хотелось в свой, такой нечастый, выходной, сдавать нормативы по физухе.

Старый, выдавший лет двадцать назад Японию «Субару», обогнав Настю, встал у обочины и перегородил девушке дорогу. Из него вышел гогочущий, хищно улыбающийся верзила. От него разило не то самогонкой, не то одеколоном.

– А ну, – гадко хихикая, сказал верзила, – прыгнула в тачку, Красная Шапочка! Мы тебя сейчас будем есть!

Не впервой, как видно, проделывая такое на проселочных дорогах, трое бугаев радостно осклабились.

– Мальчишки, не надо! – сказала Настя, хотя уже и видела, что – надо. Надо!

– Хорош скулить! – уже со злинкой сказал первый бугай и схватил Настену за тонкую девичью руку в нежном загаре чуть повыше локотка.

«Йитить твою, fucking-digging!..» – вспомнила Настюша любимую присказку Сан Саныча.

В следующее мгновение рука потенциального насильника по какой-то ракетной траектории взлетела вверх и – по кругу – вниз, раздался негромкий хруст и верзила, скорее удивленный, чем пораженный, не чувствуя в первые мгновения шоковой боли от открытого перелома и разрыва плечевых связок, упал на колени.

Ударив, скорее коснувшись, тыльной стороной ладони склоненный затылок нападавшего, Настена отправила его в кратковременный рауш, с целью дальнейшего допроса.

Не до конца понявшие, что и почему, двое дружков свалившегося кулем бритоголового амбала уже распахивали дверки с другой стороны, чтобы выйти наружу и поглядеть, чего там выделяет Сява.

Моментально переключившись на следующую цель, Настена быстро устремилась навстречу врагу. Она обегала машину не спереди, как это сделал бы любой из вас, а сзади. Хотя так бежать было дольше, зато ты заставлял противника в неудобном согнутом положении, к тому же не прикрытым дверкой как щитом.

Первому, ближнему к ней бугаю Настена, в последний миг пожалев его, чего Сан Саныч не одобрял, не сломала, а просто выбила коленную чашечку, легко ткнула пальчиком в кадык и провела ладонью, скорее мазнула по шее в месте прохождения сонной артерии.

Верзила еще стоял на своих двоих, не понимая, что он в отключке, а Настена набегала уже на третьего и последнего. Он успел выскочить из машины в глубокую бархатную пыль и стоял, глупо таращась и сжимая в руке нож, похожий на орудие труда рубщика сахарного тростника.

С этим Настя уже не церемонилась и от всей души отрубила ему мизинец его же ножичком, молниеносно пописала кровавыми буквами «хэ», а в конце ударом плашмя по точке кю между теменем и ухом, уложила незадачливого мачетейрос рядом со своими дружками.

В этот самый момент по проселочной дороге проезжал второй джип, но уже не старый, а почти новый «УАЗ-Patriot».

Сидящие в джипе три качка стали было притормаживать, чтобы узнать, не нужны ли такой симпатной телочке герои-любовники, но быстро все смекнули и так резко дали по газам, что «Патриот» чуть не заглох и, прыгая по ухабам и колдобинам, скрылся за горизонтом.

Настя Стечкина выдвинула вперед нижнюю губку и дунула вверх, как это делают женщины в пылу спора, поправляя локон на голове. Она подобрала свои босоножки, лежавшие в глубокой бархатной пыли и вдруг рассмеялась:

– Господи! Хорошо-то как!..

Летний день угорал.

В тамбуре электрички стояла Настена и думала, что скоро в Вашингтоне ей придется крепко работать, а не как сегодня балду бить. А какая это работа – была государственная тайна, известная лишь начальнику ГРУ ГШ МО России и высшему руководству страны.

Духовная надстройка

В философии есть такое понятие, называется: «надстройка», возводимая человечеством на материальном «базисе». Это означает, что человек, как только его питание делается более-менее регулярным, начинает заниматься разными вещами уже не

для выживания, а для души. Сочиняет оперу «Жизнь за царя», пляшет, пишет абстрактные картины или трактат «Закат Европы». Так было всегда, и стены пещер до сир пор хранят рисунки, сделанные сытыми, разнежившимися у костра питекантропами.

По собственному опыту знаю, что духовная надстройка бывает не только из-за обильной пищи, но и по другим причинам, не учтенным Марксом.

Так, бывает, что утонченной внутренней жизнью заживает человек, дотянувший до пенсии, разумеется, приличной. Нужно отметить, что получающие пенсию минимальную, духовной жизнью не живут, а пытаются выжить до самой смерти.

Человек же с пенсией от трехсот долларов и выше вскоре начинает испытывать задумчивость и чувство печали о Несбывшемся – о тропических островах, о Большой любви, прошедшей мимо как парус в тумане, о неубитых на дуэли гвардейцах кардинала, вообще, о неполной реализации себя. Тут-то, торопясь успеть наверстать упущенное, старый хрен бросается возводить свою духовную надстройку, последнюю в этой жизни.

Он начинает ходить в ТРЦ «Глобал» и играет там в хоккей с молодыми, рискуя переломать себе руки-ноги и отбить внутренности черепа. Мерзнет на зимней рыбалке до посинения. Пишет картины, сделавшие бы честь любому питекантропу. Начинает одеваться как юный фланг, уже без определенной цели понравиться девушкам.

У Сереги Лавриненко был как раз такой друг, бывший одноклассник, из жэковских юристов, Вадимыч, посвятивший свои закатные годы брендам и трендам.

Вадимыч, а если официально – Юлий Вадимович Сацюк, жил в Вацковском переулке, в подвале которого располагался старейший и солиднейший секонд-хенд «Хумана».

В этот секонд-хендовский чертог бывший юрист ходил как на работу, возводя и штукатуря свою духовную надстройку.

А Серый, старый работяга и по совместительству инвалид третьей группы – ибо как в наше время выживать без группы простому человеку? – ходил в «хендерс» за компанию, как в музей или на выставку.

Со времени победы Революции Достоинства в 13-м году секонд-хенды превратились из магазинов подержанного платья в животворные источники, по примеру глубоководных гейзеров, бьющих цветными струями и дарящими жизнь окружающим губкам и морским огурцам.

Креативные молодые люди, явные уклонисты от армии, наследники и потомки советской фарцы, с ночи дежурят у закрытых дверей «хендехоха» в день завоза «товара из Европы», а потом первыми врываются в магазин. Со стороны это выглядит как штурм Измаила чудо-богатырями генерал-аншефа Потемкина. Захватив богатые трофеи, чудо-богатыри реализуют их потом через интернет и с этого имеют свой кусок пиццы. Если это и не совсем гламурно, то все же лучше, чем горбиться на клубнике в Польше или кастрировать датских поросят.

Говорят, что импорт европейских обносков – бизнес еще лучший, чем фальшивые таблетки от сердца, и уступает только контрабанде полесского янтаря и карпатского леса.

Семнадцатого сентября, в теплый душный день, когда вдали посверкивало и погромыхивало, и все говорило о близости дождя, два друга, Юлий Вадимович и Серега, как всегда, рылись в корытах секонд-хенда «Хумана». Был второй день завоза, так как в самый день завоза сюда лучше было не соваться, чтобы не быть затоптанным, придушенным или убитым.

Вадимыч, постигший на старости лет все красоты и тонкости моды, с ходу могший отличить штаны «Ральф Лаурен» от пиджака «Томми Хилфигер», а боты «Лоид Ред Вингз» от тапочек «Лакоста», перебирал вещи с любовью. Одетый по последней хендовской моде, рядом с обычными посетителями он напоминал райскую птицу, роющуюся в помойке вместе с голубями.

А Серый, простая душа, смотрел на черт знает что:

– Юлик, секи! – сказал он, вытаскивая из кучи рябенькую тенниску. – Шик-модерн?

– П...ц какой шик! – отозвался Юлий Вадимович. – Одна там была шелковая, и ту нашел! Весна-лето девяносто первого!

Сергея бросил тенниску назад:

– В девяносто первом, в девяносто памятном году прокричали телевизоры беду! – дурашливо пропел он, и оба приятеля рассмеялись.